3 1761 07035542 5

Yakontoff, Viktor A.
Russkoe ofitserstvo v sviazi s razvitiem russkoi obshchestvennosti

DK
253
Y35

В. А. ЯХОНТОВЪ.

РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО ВЪ СВЯЗИ СЪ РАЗВИТІЕМЪ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Докладъ, прочитанный 19-го Сентября 1918 г. въ Междупартійной Лигѣ Возрожденія Россіи въ Нью-Іоркѣ.

ЦѢНА 10 СЕНТОВЪ.

Книгоиздательство „Народоправство“
Нью-Іоркъ.

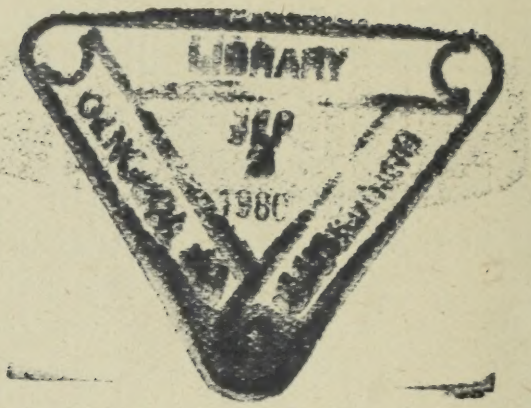
В. А. ЯХОНТОВЪ.

РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО ВЪ СВЯЗИ СЪ РАЗВИТІЕМЪ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Докладъ, прочитанный 19-го Сентября 1918 г. въ Междупартійной Лигѣ Возрожденія Россіи въ Нью-Іоркѣ.

Книгоиздательство „Народоправство“
Нью-Іоркъ.

DK
253
Y35



Впервые русское офицерство, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь, появляется въ жизнь съ Петромъ Великимъ ибо къ этому періоду русской исторіи относится образованіе въ Россіи постоянной арміи т. е. правильно организованной вооруженной силы. Все до этого, включая стрѣльцовъ, носило иной хаарктеръ и въ сущности офицерства тогда не бывало.

Съ первыхъ шаговъ во главѣ арміи по всей ея іерархической лѣстницѣ могли по мысли царя-преобразователя стоять любые люди и мы знаемъ рядъ лицъ весьма скромнаго происхожденія, начиная съ всесильнаго Меньшикова, занимавшихъ самые высокіе командные посты въ арміи.

Однако, издревле установившійся на Руси обычай выходить на военную службу "конно, людно и оружно", приводившій къ тому, что до Петра на войну шли бояре, а за ними ихъ крестьяне, съ другой стороны обычай жалованія за государеву службу помѣстій, примѣнявшійся и Петромъ и позднѣе также и въ отношеніи служившихъ въ войскахъ, при естественной склонности служившихъ вести сыновей по проторенной ими т. е. той же военной дорогѣ, а затѣмъ и обязательность службы для

всѣхъ дворянъ, т. е. людей, владѣвшихъ землей и крестьянами (позднѣе совершенно закрѣпленными Екатериной за помѣщиками) повело къ тому, что роль офицера сдѣлалась почти исключительно барской привиллегіей, т. е. привиллегіей отдѣльнаго сословія, если правильно такъ назвать дворянъ.

Зародившись такимъ образомъ, положеніе это держалось почти безъ исключеній до "освобожденія крестьянъ" и выдвиженія такъ называвшихся "разночинцевъ", а въ нѣкоторыхъ (правда немногихъ) войсковыхъ частяхъ сохранилось и до послѣднихъ лѣтъ. Царское правительство съ своей стороны дѣлало все возможное, чтобы если не исключить случаи появленія офицеровъ не дворянъ (ибо это было уже невозможно, хотя бы потому, что размѣры арміи росли, численность офицеровъ увеличивалась и покрыть потребность въ офицерствѣ одними дворянами сдѣлалось физически не осуществимымъ), то все-жъ стремилось создать такія условія, при коихъ офицерство не могло бы сливаться съ солдатской массой въ силу условій образованія, характера жизни, интересовъ и т. д. и т. д.

Въ результатѣ, офицеръ въ представленіи солдата былъ всегда баринъ, а всѣ мы знаемъ теперь, какъ велика была та пропасть между "бариномъ" и "мужикомъ", которая была создана разными для нихъ законами, разными правдами, разными возможностями! Всѣ мы теперь знаемъ, какъ ужасно было то недовѣріе мужика къ барину, которое на-

долго исключило возможность не только его убѣжденія, но просто спокойнаго между нами разговора!!..

Разумѣется, далеко не всѣ помѣщики были "Салтычихами", разумѣется, далеко не всѣ офицеры были "Ренненкампфами", "Орловыми" и "Меллеръ-Закомельскими", но тотъ безысходный ужасъ, который переживалъ народъ, та нужда и горе, изъ которыхъ онъ не выходилъ, та очевидная несправедливость, которою онъ былъ окруженъ, ослѣпляли его и темный, почти безграмотный и ведомый нерѣдко далекими отъ завѣтовъ Христа, развращавшимися царизмомъ пастырями, русскій народъ въ массѣ не умѣлъ раздѣлять правыхъ отъ виноватыхъ и неразубѣждаемый никѣмъ обвинялъ въ своихъ страданіяхъ всѣхъ, кто только по костюму-ли, говору-ли, созданному образованіемъ, по привычкамъ-ли, созданнымъ извѣстными условіями жизни, отличался отъ него и считался бариномъ "пьющимъ народную кровушку", какъ говорили раньше, и "буржуемъ", какъ говорятъ теперь, прихвативъ въ эту категорію людей, никогда, конечно, не ожидавшихъ, что и они окажутся "не своими"...

Виновное до 1905 года т. е. до первой революціи только въ "буржуйности", русское офицерство послѣ этой даты стало виновнымъ еще и въ "контрреволюціонности", ибо было рѣшено, что первая революція не удалась потому, что не была распро-

пагандирована армія, а армія держалась офицерствомъ.

И вотъ, забывъ исторію, забывъ правду, стали взращивать ненависть къ офицерству не только среди солдатъ, но и, неизбѣжно, среди общества, среди вообще народа. Забыли, что всѣ династическіе перевороты въ Россіи были продѣланы офицерствомъ. Забыли, что всѣ почти декабристы, начиная съ Пестеля, Рылѣева, Бестужева-Рюмина, Каховскаго и Муравьева были офицеры; забыли, что отецъ анархизма М. Бакунинъ—офицеръ, что маститый революціонеръ П. Л. Лавровъ—полковник артиллеріи, что отецъ русскаго соціализма Г. В. Плехановъ по началу образованія военный; Л. Н. Толстой—артиллерійскій офицеръ, апостолъ анархизма П. Крапоткинъ — пажъ и офицеръ, Шмидтъ — морской офицеръ ит. д., и т. д.

Все это забыли, выбросили...

Огульно обвинили офицерство въ томъ, въ чемъ оно было виновато лишь частично, а то и совсѣмъ не виновато и преуспѣли въ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ могли того хотѣть, гораздо дальше, чѣмъ могли разсчитывать!

Не обвинять я хочу этимъ кого бы то ни было, а лишь предостеречь: предостеречь отъ повторенія того, что непредвидѣнное было ошибкой, но стало бы преступленіемъ послѣ того, когда осознано, послѣ того, когда горькіе примѣры указали, чего стоятъ иногда ошибки!..

Не легкое дѣло организація вообще, особенно трудна организація среди русскихъ, какъ славянъ — по природѣ своей, склонныхъ къ анархіи и хаосу, а не организаціи, но тѣмъ паче трудна была работа изъ подполья по подготовкѣ у насъ революціи, и грѣшно бы было сплеча обвинять за ошибки, тѣхъ, кто дѣлалъ ихъ, вѣря въ правоту своихъ дѣйствій во имя свободы и счастья Родины, вотъ почему я говорю, что не обвиняю я кого-нибудь, а предостерегаю, открывая глаза на правду и зная и вѣря, что ищущіе свѣта и правды никакой правды не могутъ чураться!

Спрашивается, въ чемъ обвинялось офицерство? За какіе грѣхи оно несло свой тяжкій крестъ? За что оно оказалось внѣ народа, въ роли паріевъ и изгоевъ?!

Обвиняли офицерство въ рутинности и реакціонности, въ эгоизмѣ и жестокости, въ безпутномъ образѣ жизни и пренебреженіи интересами народа. Но такъ ли это? Позвольте помочь вамъ разобраться въ явныхъ и неявныхъ недоразумѣніяхъ здѣсь, позвольте совершенно объективно, забывая, что я тоже офицеръ и сынъ офицера и потомокъ цѣлаго ряда людей съ честью носившихъ офицерскій мундиръ въ разныхъ его видахъ, сказать Вамъ одну правду и просить Васъ въ свою очередь совершенно объективно сдѣлать соотвѣтствующіе выводы.

Если считать, что рутинность есть явленіе

очень широко знакомое русской натурѣ — инертной, косной и, будемъ откровенны, лѣнивой (хотя и талантливой и способной на "пареніе" и "дерзаніе"), то почему за него отвѣтственно больше другихъ русскихъ людей русское офицерство? Непонятно! — Если за рутинностью видѣть еще ея поддерживающее малое развитіе и образованіе, то, будемъ справедливы, не офицерство было виновато въ томъ, что дѣло подготовки его и въ частности образованіе не было на той высотѣ, которую можно бы желать, желая величія своей Родинѣ вообще, а ея арміи въ частности. Но при всемъ томъ, что правительство старательно выжимало, какъ лимонъ, образовательныя программы военно-учебныхъ заведеній, заполняло эти учебныя заведенія зачастую нетерпимыми педагогами, все же, въ общемъ результатѣ, разумѣется, масса офицерства была въ смыслѣ образованія несоизмѣримо выше массы чиновничества, а спеціально образованная часть офицерства, какъ геодезисты и географы — офицеры генеральнаго штаба, какъ химики и техники — артиллеристы, военные инженеры, военные юристы — были зачастую много выше по своей подготовкѣ товарищей по высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ не военнаго вѣдомства.

Во всякомъ случаѣ, офицерство по задачамъ своимъ было образовано не хуже представителей иныхъ вѣдомствъ. И если существовало въ обществѣ мнѣніе обратное, то, думается мнѣ, объясне-

ніе надо искать въ томъ, что къ офицерству, въ силу его исключительно привелигерованнаго и быть можетъ неестественнаго иногда высокаго общественнаго положенія, связаннаго съ высотой идеала защиты Родины, носителемъ коего оно являлось, — представлялись и несоотвѣтственно высокія требованія.

Я хочу сказать, что съ молодого подпоручика спрашивалось много больше, чѣмъ съ губернскаго секретаря, хотя, быть можетъ, этого и не слѣдовало дѣлать.

Что рядовое офицерство мало было озабочено самообразованіемъ, это, увы, вѣрно, но и тутъ надо не осуждать, а присмотрѣться къ причинамъ, а къ причинамъ общимъ для арміи всѣхъ государствъ, какъ образъ жизни офицерства, создаваемый характеромъ работы и цѣлями ея, у насъ примѣшивались спеціальныя, напримѣръ, какъ это ни дико, опасность иногда быть любознательнымъ для офицера.

Для иллюстраціи, я приведу небольшой эпизодъ изъ собственной практики. Будучи молодымъ офицеромъ на Кавказѣ, я съ нѣсколькими товарищами офицерами, и посторонними, занимались у меня въ квартирѣ чтеніемъ и рефератами по такимъ наукамъ, какъ политическая экономія, соціологія и др. Все шло мирно и тихо, пока однажды я не узналъ отъ правителя канцеляріи губернатора, личнаго моего знакомаго,

что ко мнѣ на квартиру собираются жандармы и, что слѣдуетъ быть осторожнымъ. Ничего, правда, со мной не произошло, но компанія значительно порѣдѣла и занятія значительно пострадали... Конечно, можно было итти всегда въ разрѣзъ съ такими явленіями, но вѣдь требовать отъ всѣхъ среднихъ людей всегда самопожертвованія едва ли справедливо. Едва ли также было разумно будированіе извѣстной части попадавшей въ ряды арміи интеллигенціи противъ офицерства, ибо это ничего не улучшало, а раздраженіе вносило.

Обвиненіе въ реакціонности, быть можетъ, отчасти справедливое, тоже требуетъ поясненія: конечно, со школьной скамьи офицеру внушалась вѣрность престолу и существующему порядку, внушалось, что войско внѣ-партійно, не имѣетъ права на политическое значеніе, а обязано быть оплотомъ власти и вѣрность офицерства этимъ завѣтамъ, какъ всякая честность и устойчивая вѣрность, не могутъ быть осуждаемы, ибо вѣрность и самоотверженіе никогда, нигдѣ не считались позоромъ.

Такъ же, какъ нужна была царю надежная опора, такъ же нужна опора на сильныхъ и вѣрныхъ людей и всему народу, какъ нужны были офицеры царскому правительству, такъ же нужни они сейчасъ и будутъ нужны всегда всякому правительству и, конечно, тѣмъ цѣннѣе они будутъ, чѣмъ

будутъ тверже и устойчивѣе въ своихъ убѣжденіяхъ и честнѣе въ своихъ привязанностяхъ...

Говорить объ эгоизмѣ офицерства, какъ о какой то особой чертѣ его — странно, существуетъ, правда, выраженіе "классовый эгоизмъ", можно допустить, какъ варіантъ его понятіе кастовый эгоизмъ, но въ чемъ выражался этотъ эгоизмъ офицерства — я не знаю!

Говорить объ эгоизмѣ человѣка, получающаго гроши и искусственно лишеннаго, въ большинствѣ случаевъ, возможности приложить всѣ свои способности, развернуться и не только полнѣе жить, но и больше приносить пользы, человѣка, который по существу своей службы не имѣетъ права не собственную жизнь, на собственные интересы, — значить забывать справедливость!..

Относительно жестокости, если она проявлялась офицерствомъ когда-то въ прошломъ, когда жизнь была полна грубости, а иногда и безсмысленной жестокости, справедливость требуетъ сказать, что послѣднее десятилѣтіе о ней остались только разсказы, и ее не было, какъ правило — безусловно, а за отдѣльные случаи не могло быть отвѣтственно все офицерство въ массѣ, ибо самъ народъ знаетъ, что "нѣтъ семьи безъ урода". Во время же войны отношенія офицеровъ къ солдату въ девяносто пяти случаяхъ изъ ста были отеческія и братскія: вмѣстѣ страдали, вмѣстѣ умирали, вмѣстѣ дѣлили все и не было рѣчи ни о "мордобой-

ствѣ", ни объ издѣвательствѣ, — это я видѣлъ достаточно хорошо, пробывъ 27 мѣсяцевъ на войнѣ!..

Наконецъ, безпутный образъ жизни — но, господа, во-первыхъ, какъ всякое обвиненіе, диктуемое ненавистью или даже просто предубѣжденіемъ, мнѣніе объ этомъ сильно было преувеличено, а во-вторыхъ, не надо забывать, что офицерство нигдѣ, никогда не почиталось монашескимъ орденомъ, а и монахамъ не чужды земные грѣхи, какъ знаетъ всякій, знакомый съ жизнью монастырей. Да и можно ли серьезно негодовать на нѣкоторую безпечность и легкомысліе у людей, въ коихъ надо, по существу ихъ ремесла, развивать легкое отношеніе къ жизни, чтобы легче было ею жертвовать, и веселость, чтобы умѣть не падать духомъ въ условіяхъ, когда обычный неподготовленный человѣкъ думаетъ о томъ, какъ бы уйти отъ опасности и ужаса? Конечно, нѣтъ! И потому то всюду, всегда, военная молодежь пользовалась и пользуется большимъ снисхожденіемъ сравнительно съ другими, а ужъ никакъ не наоборотъ, т. е. не предъявляются къ ней требованія отмѣнной скромности и благоприличія!..

А что офицерство не только веселилось, а и умирало, это знаетъ всякій добросовѣстно наблюдавшій за ходомъ войны и видѣвшій, значитъ, какъ гибло офицерство, и знающій сколько осталось цѣлыхъ и живыхъ. Вспомните эти стрѣлковыя цѣпи, составленныя изъ всего офицерства дивизій, когда

послѣ революціи солдаты не поддавались ни убѣжденію ни примѣру своихъ начальниковъ и эти начальники сами, замѣняя своихъ солдатъ, шли въ атаку и на вѣрную смерть, и вы не можете умолчать о томъ, чего заслуживаетъ русское офицерство!!!

Остается упрекъ въ недостаточномъ вниманіи къ интересамъ народа, но въ этомъ грѣхѣ повинна вся русская интеллигенція, за исключеніемъ небольшой лучшей ея части въ лицѣ дѣйствительныхъ революціонно-активныхъ защитниковъ интересовъ народа и, быть можетъ, части идейно имъ близкихъ, но пассивныхъ либераловъ разныхъ оттѣнковъ...

Во всякомъ случаѣ, офицерство и тутъ виновно не болѣе другихъ и оно дало въ ряды горячихъ защитниковъ народа (какъ мнѣ пришлось уже это подчеркнуть выше) много героическихъ свѣтлыхъ именъ!

Да и вообще не странно ли въ устахъ русскихъ людей всѣ эти обвиненія извѣстной группѣ, являющейся плотью отъ плоти и кровью отъ крови самаго руссакго народа?!

Не лишне замѣтить тутъ, что существующее у нѣкоторыхъ, плохо освѣдомленныхъ лицъ, мнѣніе, что русское офицерство было, по существу, въ значительной своей части нѣмецкимъ — явно абсурдно: дѣйствительно, среди офицерства было не мало лицъ, носившихъ нѣмецкія, какъ и другія ино-

странныя фамиліи (послѣднихъ обычно въ народѣ всѣхъ зовутъ нѣмцами, ибо все, что не русское, то какъ то привилось въ народѣ еще съ Петра называть нѣмецкимъ), но я смѣло утверждаю, что подавляющее большинство этихъ офицеровъ изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ было всегда лояльно и искренне считало себя русскими во всѣхъ отношеніяхъ. Разумѣется, были исключенія, но за нихъ масса не отвѣтственна. Правда неоспоримая, что лица нѣмецкаго происхожденія пользовались у насъ вообще, а въ томъ числѣ и въ арміи особымъ фаворомъ и имъ бывало легче безъ особыхъ данныхъ проскочить въ "дамки". Завелось это у насъ еще съ Петра, развилось сильнѣе во время Павла и держалось по инерціи и впредь, не даромъ ген. Ермоловъ, герой отечественной войны 1812 года говорилъ, что единственно чего бы онъ могъ просить у царя это произвести его въ нѣмцы, ибо съ этимъ связаны тѣ возможности, кои недоступны чистому руссаку. Не измѣнилось дѣло и къ царствованію Николая II, хотя отецъ его и не жаловалъ нѣмцевъ, но очень ужъ они были сильны и многочисленны при дворѣ и значеніе ихъ, временно сократившееся при Александрѣ III, еще пышнѣе расцвѣло съ появленіемъ Алисы, Принцессы Гессенской... Однако, отъ признанія факта особой привиллегированности офицеровъ нѣмецкаго происхожденія очень далеко до утвержденія, что офицерство было чуть ли не про-нѣмецкимъ, ибо:

1) процентъ этихъ офицеровъ съ нѣмецкими фамиліями былъ особенно въ арміи, вовсе ужъ не такъ великъ, во всякомъ случаѣ ихъ было меньшинство, а затѣмъ,

2) повторяю, и тѣ, которые имѣли несчастіе или счастіе носить нѣмецкую фамилію, въ подавляющемъ большинствѣ были внѣ подозрѣній и не заслуживали ничѣмъ напоминанія имъ ихъ нечисто-русскаго происхожденія...

Но, перейдемъ къ ближайшимъ событіямъ.

Война 1914 года застала Россію, разумѣется, не готовой ни въ какомъ отношеніи. Армія была, но въ составѣ ея большая часть была не грамотной или въ лучшемъ случаѣ малограмотной; во главѣ ея стояло офицерство, хотя въ большинствѣ и честное и преданное долгу, но лишенное иниціативы, ибо всякая самостоятельность убивалась режимомъ, а престижъ офицерства въ глазахъ подчиненныхъ былъ почти въ конецъ подорванъ, ибо общество не только не подерживало его, а всячески сознательно и нѣтъ дискредитировало. Обучена армія была (особенно въ сравненіи съ другими) совсѣмъ не дурно, но зато снабжена и вооружена была, ужъ безъ всякихъ сравненій, неудовлетворительно. Впрочемъ, несмотря на это, мобилизація была закончена поразительно быстро и гладко, а первые мѣсяцы войны были проведены, за малымъ исключеніемъ, прямо таки блистательно. Отрицать въ этомъ всякую долю заслуги офицерства,

очевидно, нельзя. Вся работа подготовки, вѣдь, лежала на офицерствѣ и очевидно войска были обучены недурно, а главное, воспитаны въ такомъ направленіи, которое обезпечивало наилучшее проявленіе индивидуальныхъ лучшихъ качествъ русскаго народа — если имъ удалось, проявить, прямо скажу, чудеса и превзойти всякія возлагавшіяся на нихъ надежды!..

Дальнѣйшее теченіе войны съ неудачами, явившимися прямымъ слѣдствіемъ необезпеченности и матеріальнаго неблагополучія, было кошмарнымъ и прежде всего для арміи, выносившей на своихъ плечахъ всю тяжесть совершенно не равной борьбы безоружнаго съ вооруженнымъ и весь ужасъ и не-заслуженный стыдъ отступленій и искусственно созданнаго безсилія...

Но не армія въ томъ была виной, не изъ за недостатка доблести и стойкости приходилось ей оставлять занятыя у врага земли, а исключительно изъ-за отсутствія снарядовъ, отсутствія оружія, недостатка въ пищѣ и одеждѣ!

Армія выдержала свой экзаменъ, въ сущности, лучше чѣмъ кто-нибудь: она сражалась и безъ снарядовъ, замѣняя ихъ камнями, она упорно и долго не оставляла позицій, а истекала кровью и долго терпѣливо ждала всего того, что необходимо ей такъ же, какъ и всякой арміи, но чего она не получала и въ десятой доли того, какъ привыкли получать, получали и получаютъ другіе.

Не ея вина, что милліоны человѣческихъ жизней, вырванныхъ изъ ея рядовъ, оказались не только не отомщенными,но, страшно сказать, оказались пока — не оправданными!..

Хуже чѣмъ армія встрѣтили войну наши желѣзныя дороги, наша промышленность и вся государственная машина. И кончилось тѣмъ, чѣмъ неминуемо должно было при этихъ условіяхъ окончиться — разразилась революція!

Армія, быть можетъ, единодушнѣе чѣмъ кто-либо встрѣтила вѣсть о новой жизни и встрѣтила ее съ искренней радостью: очень ужъ изстрадались и извѣрились въ способность стараго режима выйти съ честью изъ создавшагося положенія, а оно всѣмъ было невыносимо; очень ужъ всѣ вѣрили, что съ революціей придутъ новые люди, настанутъ новые порядки, армія получитъ новыхъ, дѣйствительно талантливыхъ людей, которыхъ затиралъ протекціонизмъ, желѣзныя дороги начнутъ работать на страну, а не на карманы спекулянтовъ и не въ интересахъ нѣмцевъ, наладится вопросъ продовольствія и все пойдетъ къ побѣдѣ. Но, увы, все случилось не такъ и скоро за свѣтлыми праздничными днями настали дни новыхъ, еще болѣе грозныхъ испытаній...

То большое вниманіе, которое было обращено въ 1905 году на значеніе настроеній арміи въ дѣлѣ революціи и которое повлекло за собой искусственное углубленіе пропасти между солдатской

массой и офицерствомъ, то же, если не большее вниманіе признано было революціоннымъ пролетаріатомъ необходимымъ обратить на армію и послѣ совершившейся революціи и вотъ, на ряду съ созданіемъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, т. е. съ инкорпорированіемъ въ Совѣты — солдатъ, ибо значительная часть народа находилась въ этомъ состояніи, появился всѣмъ извѣстный приказъ № 1, съ плеча уничтожившій дисциплину и упразднившій старый, а съ тѣмъ и всякій порядокъ, ибо новаго путнаго нечего было предложить!

И въ скоромъ времени, ведомая по этому пути армія, пришла къ полному развалу...

Лишенная основъ, армія заскрипѣла по всѣмъ швамъ, началось сведеніе личныхъ счетовъ, началось сначала сдержанное, а затѣмъ все усилившееся издѣвательство надъ офицерствомъ, которому не вѣрили, ибо это были въ ихъ представленіи "баре и буржуи", которыхъ не уважали, ибо этому долго обучались, наконецъ, дошло дѣло до самосудовъ, а дѣло извѣстное — видъ крови ожесточаетъ людей — и, дѣйствительно, жестокость была проявлена ужасная. Болѣе 11,000 самосудовъ, не считая того, что сдѣлано большевиками, говорятъ сами за себя!

Какъ иллюстрацію этой драмы русскаго офицерства, я приведу отрывки жуткаго стихотворенія — молитвы одного боевого офицера, найденные

мной въ "Бюллетеняхъ Литературы и Жизни", журналѣ, разумѣется, далекомъ отъ реакціонности и "буржуйности", издаваемомъ лучшими представителями русской интеллигенціи:

Христосъ Всеблагій, Всесвятый, Безконечный,
Услыши молитву мою,
Услыши меня, о Заступникъ Предвѣчный,
Пошли мнѣ погибель въ бою.
Смертельную пулю пошли мнѣ навстрѣчу,
Вѣдь благость безмѣрна твоя...
Скорѣе пошли мнѣ кровавую сѣчу,
Чтобы въ ней успокоился я.
На родину нашу намъ нѣту дороги:
Народъ нашъ на насъ же возсталъ,
Для насъ онъ воздвигъ погребальныя дроги,
И грязью насъ всѣхъ закидалъ.

Три года мы тускло, безмѣрно страдали,
Завѣты Россіи храня:
Съ врагами мы бились и мы не считали
Часами рабочаго дня.
Въ могилахъ глубокихъ, безъ счета и мѣры,
Въ своемъ и враждебныхъ краяхъ
Сномъ вѣчнымъ уснули бойцы офицеры,
Погибшіе въ славныхъ бояхъ.
Но мало того показалось народу:
И вотъ, чтобъ прибавить могилъ,
Онъ нашей же кровью купившій свободу,
Своихъ офицеровъ убилъ.

А нынѣ толкуютъ уже въ Петроградѣ
О томъ, чтобы миръ заключить,
Чтобъ ради покоя и золота ради
Россію на вѣкъ погубить.

А скоро придутъ и другія идеи:
Вильгельма великимъ назвать,
Предъ нимъ преклонить покоренныя шеи
И прахъ его ногъ цѣловать.
Скорѣй же въ окопы, друзья офицеры,
Не будемъ мы этого ждать,
Скорѣй подавайте солдатамъ примѣры,
Какъ надо въ бою умирать.

Спѣшите жъ въ окопы, товарищи, братья,
Семьей офицерской своей.
Намъ смерть широко открываетъ объятія
И мы успокоимся въ ней.
Когда жъ по окопамъ отъ края до края
Отбоя сигналъ прозвучитъ,
Сойдется семья офицеровъ родная
Послѣднее дѣло свершить.
Тогда мы оружіе свое боевое,
Награды, что взяли въ бою,
Глубоко зароемъ подъ хладной землею
И славу схоронимъ свою.

На родину нашу намъ нѣту дороги:
Народъ нашъ на насъ же возсталъ,
Для насъ онъ воздвигъ погребальныя дроги,
И грязью насъ всѣхъ закидалъ.

Но кто же были эти офицеры? Вѣдь это же была почти вся русская интеллигенція, вѣдь война потребовала громаднаго усиленія численно слабыхъ кадровъ офицерства, вѣдь въ офицеры попали всѣ студенты, инженеры, адвокаты, учителя и т. д., и т. д. И дѣйствительно, скоро

это обнаружилось еще явственнѣе, вскорѣ врагами народа оказались не только офицеры, а всѣ "буржуи", т. е. люди что-нибудь знающіе, люди чему-нибудь учившіеся, люди что-нибудь имѣвшіе.

Иначе говоря, вскорѣ наступилъ большевистскій терроръ! На ряду съ прочими "буржуями", офицерство вошло въ одну изъ кошмарнѣйшихъ страницъ русской жизни. Часть его, гонимая нуждой и голодомъ, обратилась въ чернорабочихъ, сгребавшихъ снѣгъ, коловшихъ ледъ, грузившихъ вагоны, торгующихъ газетами и т. д., и т. д., часть, не выдержавъ испытанія въ стойкости убѣжденій, свихнулась въ той или иной формѣ и пошла на услуженіе къ большевикамъ, часть же, сохранившая вѣрность завѣтамъ, въ коихъ росла, т. е. вѣрность идеѣ единой, сильной и великой Россіи — стала пытаться такъ или иначе, вернуть своей Родинѣ то, что было отнято у нея большевиками съ ихъ позорнымъ Брестъ-Литовскимъ миромъ и кооперацiей съ нѣмцами.

Значительное число офицеровъ вѣрило въ то, что большевиковъ можно легко сбросить вооруженной силой и начались формированія отрядовъ.

Всѣ мы знаемъ, хоть правда не много, о формированіяхъ Каледина, Корнилова, Алексѣева, Дутова, Семенова и всѣ мы знаемъ, что ни одно изъ нихъ не привело къ тѣмъ результатамъ, на кои надѣялись ихъ вдохновители. Причинъ тому

было много, но первая изъ нихъ, думается мнѣ, лежала въ несвоевременности этихъ попытокъ: еще народъ не успѣлъ понять, что его обманули, не успѣлъ убѣдиться, что тѣ, кого онъ облыжно считалъ своими врагами, такъ называемые "буржуи", далеко не всѣ заслуживаютъ этого отношенія, еще не понялъ, что безъ интеллигенціи не обойдешься и не могъ еще, слѣдовательно, итти на зовъ этихъ воображаемыхъ враговъ народа, не могъ становиться на защиту того, что, казалось ему, является интересами одной буржуазіи, а не всего народа, и не шелъ, не поддавался никакимъ убѣжденіямъ, не отзывался ни на какіе призывы. Всѣ отряды составлялись лишь изъ офицерства и всѣ они погибали, не успѣвъ довести дѣла до конца. Причины тому были, конечно, еще и другія помимо указанныхъ, но суть не въ нихъ, а главнымъ образомъ именно въ несочувствіи массъ, т. е. въ невозможности въ то время найти солдатъ...

И большой (еще для меня далеко не ясный) вопросъ, полезно ли было это благородное по побужденіямъ будированіе за формированія: не мало жертвъ оно унесло, не мало слабыхъ оттолкнуло, не мало послужило обостренію отношеній, не мало, думается мнѣ, затянуло процессъ оздоровленія страны...

Среди другихъ формированій, хотя и возглавлявшихся куда болѣе цѣнными во всѣхъ отношеніяхъ именами, какъ Алексѣевъ, Калединъ, Кор-

ниловъ, даже Дутовъ, совершенно особая судьба выпала на отрядъ эсаула, или, какъ его здѣсь величаютъ, генерала Семенова, и это странное явленіе я не могу обойти молчаніемъ по многимъ и самымъ различнымъ причинамъ, среди коихъ, между прочимъ, играетъ роль и та, что въ свое время меня лично звали къ себѣ семеновцы черезъ спеціальнаго гонца, сотника Жевченко, но я отказался и къ нимъ не пошелъ.

Образованіе отряда Семенова относится к январю-февралю 1918 года, когда Маньчжурія была очищена отъ большевиковъ или, покрайней мѣрѣ, отъ ихъ оплота — вѣрныхъ большевикамъ дружинъ — силой китайскихъ войскъ, призванныхъ Хорватомъ. Въ началѣ отрядъ составился изъ нѣсколькихъ офицеровъ и юнкеровъ и нѣсколькихъ сотъ монголъ, бурятъ, хунгузовъ, постепенно отрядъ усилился офицерскимъ и юнкерскимъ составомъ, періодически въ него вливались казаки, то приходившіе къ Семенову, то бросавшіе его, но никогда, по крайней мѣрѣ до іюня сего года, отрядъ не превосходилъ состава 3000 человѣкъ. Казалось бы странно, что столь незначительный по числу и имѣющій во главѣ никому дотолѣ неизвѣстнаго человѣка, отрядъ держался много мѣсяцевъ, но объяснить это совсѣмъ не трудно: дѣйствуя въ районѣ безлюднаго Восточнаго Забайкалья, отрядъ, послѣ всякой неудачи, могъ неизмѣнно избѣгать полнаго уничтоженія въ силу то-

го, что стоило ему отойти до станціи Маньчжурія и онъ становился неуязвимъ, ибо попадалъ не только на чужеземную территорію, но и, главное, попадалъ подъ защиту китайскихъ войскъ, съ которыми у большевистскихъ отрядовъ не было ни желанія, ни силъ бороться.

Это то исключительное положеніе "несгораюпцаго феникса", помогло Семенову привлечь на себя вниманіе и Харбинскихъ дѣятелей и Пекинско-Токійскихъ" наблюдателей", и вскорѣ не только въ него повѣрили, но искусственно его даже преувеличили до размѣровъ совершенно несвойственныхъ ни ему, ни его затѣѣ. Преувеличили до тѣхъ размѣровъ, въ которые хотѣлось имъ вѣрить, которые, думалось имъ, спасутъ Родину, а быть можетъ, для нѣкоторыхъ ихъ личное утраченное благополучіе.

Какъ самаго Семенова молва передѣлала въ генералы, такъ значеніе его отряда соотвѣтственно завела за предѣлы логики. Однако, не спроста вѣдь хитрый и умный Хорватъ не входилъ съ Семеновымъ ни въ какія сношенія и даже по свидѣтельству прибывшихъ изъ Харбина соотечественниковъ квалифицировалъ дѣйствія, если не Семенова, то его соратниковъ, какъ предусмотрѣнныя непріятными статьями уголовнаго уложенія. Не даромъ, честнѣйшій, всѣми уважаемый адмиралъ Колчакъ не соединился съ Семеновымъ, когда пытался собрать силы на Дальнемъ Востокѣ!..

Но были люди, которымъ хотѣлось въ это дѣло вѣрить и которые сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы убѣдить иностранцевъ въ значительности семеновскаго начинанія и сумѣли привлечь не только симпатіи, но и, что главное, матеріальную поддержку иностранцевъ: появились денежныя средства на содержаніе отряда, появилось оружіе, появились иностранные военные аташе, появились корреспонденты и началась шумиха... которая, впрочемъ, какъ всегда бываетъ съ шумомъ пустыхъ бочекъ, въ концѣ концовъ, все же была понята и восторги и упованія пошли на убыль. Раньше всего разочарованіе обозначилось среди русскихъ же, которые не только знали, особенно въ Харбинѣ, о разныхъ странныхъ похожденіяхъ семеновцевъ, но главное прочно убѣдились, что за Семеновымъ стоятъ люди черно-реакціонные, люди, въ которыхъ не вѣритъ народъ, которыхъ не желаетъ видѣть у власти, и этимъ дѣло Семенова оказалось конченнымъ. Такъ же постепенно охладѣли и иностранцы...

Этотъ примѣръ семеновскаго отряда, разсматриваемаго параллельно съ другими организаціями, крайне характеренъ для русской обывательщины, гдѣ дѣйствительно цѣнное не замѣчается, игнорируется, зачастую дискредитируется, а случайно подхваченное, непровѣренное, и въ сущности несерьезное, возводится на несвойственную ему ступень значительности съ тѣмъ, чтобы потомъ за-

ставить обывателя конфузливо чесать затылокъ и скорбѣть о недальновидности.

Словомъ, то же, что было съ отношеніемъ у насъ въ свое время къ тому чистому и здоровому, что было въ рядахъ офицерства, т. е. съ тѣмъ отношеніемъ, которое подготовило не только кастовую, но и классовую вражду, лишившую насъ въ тяжелыя минуты государственнаго кризиса многихъ тысячъ нужныхъ людей! Это у насъ то, гдѣ каждый не то что спеціалистъ, а просто грамотный человѣкъ на счету, гдѣ есть болѣе сотни милліоновъ жителей, но не много лишь сотенъ тысячъ гражданъ! Гдѣ все горе въ темнотѣ и необразованности!!

Этотъ же семеновскій примѣръ показываетъ, какъ въ большинствѣ случаевъ иностранцы безсильны разобраться въ истинномъ положеніи вещей въ Россіи и чувствовать правильные пути для дружескаго съ ней сотрудничества...

Такъ или иначе, но всѣ, словомъ, попытки организаціи вооруженныхъ силъ для борьбы съ большевизмомъ, включая, значитъ, и семеновскую не принесли искомыхъ результатовъ и дѣло кончилось призваніемъ, а затѣмъ и приходомъ иностранной помощи. Долго обсуждавшійся вопросъ быть или не быть интервенціи, разрѣшился: интервенція нынѣ фактъ совершившійся и съ ней передъ союзниками сталъ вопросъ какъ осуществить путем вмѣшательства идею помощи возсозданія русскихъ

вооруженныхъ силъ для борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ, а тамъ, если возможно, возстановить русскій фронтъ!?

Для насъ же, русскихъ, этотъ вопросъ — жгучій вопросъ самолюбія: не можемъ же мы допустить мысли, что иностранцы возсоздадутъ Россію безъ участія въ этомъ русскихъ и не считаясь съ русскимъ народомъ. Очевидно нѣтъ. Но народъ неорганизованный — для иностранцевъ не народъ, какъ показали послѣдніе десять мѣсяцевъ русской жизни, а организованный народъ, т. е. представляющій собою извѣстное государство, не можетъ по нынѣшнимъ временамъ существовать безъ солидной опоры, гарантирующей цѣлость этой организаціи, т. е. безъ вооруженной силы. Не можемъ мы не попытаться и сдѣлать возможное во имя незаконченныхъ, но взятыхъ на себя нами союзныхъ обязательствъ, а для всего этого намъ надо создать армію, при этомъ надо сдѣлать это безотлагательно и всѣмъ и каждому надо этому помочь. Да, всѣмъ и каждому!

Что же мы можемъ сдѣлать? — спросите Вы. Сочувствовать — вотъ что, искренне сочувствовать! Сознавъ необходимость арміи, надо понять, что она немыслима безъ начальниковъ, немыслима безъ дисциплины, немыслима безъ добраго, любовнаго, скажу, отношенія къ ней, того отношенія, когда нѣжно заботятся, неустанно оберегаютъ

отъ всякой заразы и болѣзни, всячески ищутъ путей къ здоровому росту и процвѣтанію.

Все это нужно отъ общества, нужно отъ всего народа!—нужно, повторяю, искреннее сочувствіе и сочувствіе раньше всего: если будетъ оно, будетъ довѣріе, если будетъ довѣріе — найдутся и слова для взаимнаго пониманія, найдутся пути къ устраненію недостатковъ и къ развитію достоинствъ, въ частности — будетъ рѣшенъ и офицерскій вопросъ.

Я очень далекъ отъ мысли утверждать, что офицерство наше было безупречно, разумѣется нѣтъ, и за нимъ, какъ за всякой кастовой организаціей числится много грѣховъ и ошибокъ, но не таковы эти грѣхи, чтобы нельзя было ихъ забыть — однимъ, не таковы эти ошибки, чтобы нельзя было ихъ исправить — другимъ!

Несомнѣнно, офицерство должно понять, что новый укладъ жизни, укладъ соотвѣтствующій чаяніямъ русскаго народа не можетъ мириться ни съ заносчивостью, ни съ чванствомъ, а требуетъ — братства, не можетъ терпѣть привеллегированности и протекціонизма, а требуетъ — равенства, не можетъ терпѣть излишнихъ, неоправдываемыхъ необходимостью стѣсненій, а требуетъ — большей свободы и ясно, что офицерство не можетъ, сознавая все это, не пойти по пути значительной ломки старыхъ привычекъ, старыхъ способовъ и путей.

Работа громадная, требующая отысканія но-

выхъ отвѣтовъ, на казавшіеся раньше прекрасно рѣшенными вопросы, требующая терпѣнія и вдумчивости, а главное желанія, искренняго желанія и, конечно, работа посильная при этихъ условіяхъ и, при условіи, повторяю, доброжелательности общества и довѣрія массы народа.

А на эту доброжелательность и это довѣріе офицерство имѣетъ право разсчитывать и не только потому, что перестрадало за послѣдній годъ, а и потому, что это въ интересахъ страны, въ интересахъ благополучія и величія всѣмъ намъ равно дорогой Родины.

LIBRARY
SEP
2
1980
TORONTO
UNIVERSITY

200

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
253
Y35

Yakontoff, Viktor A.
Russkoe ofitserstvo v sviazi s razvitiem russkoi obshchestvennosti

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 03 06 11 010 0